

УТРАЧЕННОЕ ЦАРСТВО:

Заметки о традиционном символизме гор

Под редакцией Эдоардо Лонго

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 2-167+398.3
ББК 86.3(0)-43
Л76

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с итальянского — Олег Молотов

Л76 Утраченное царство: Заметки о традиционном символизме гор. Под ред. Э. Лонго. / Пер. с итал. О. Молотова. — М.: Тотенбург, 2025. — 166 с.

Книга объединяет статьи и очерки разных авторов, связанные общей идеей — продемонстрировать, что в древних традициях гора являлась символическим воплощением «Центра мира», точки соединения Неба и Земли. Восхождение на гору может стать формой аскезы, позволяющей проникнуть в «царство», утраченное с приходом современной цивилизации. Альпинизм в своем высшем проявлении раскрывается как миф, как путь воссоединения человеческого с божественным посредством единства действия и созерцания. И на этом пути альпинист должен пройти через символическую смерть и возрождение.

**УДК 2-167+398.3
ББК 86.3(0)-43**

© Олег Молотов,
перевод с итальянского,
примечания, 2025

© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Эдоардо Лонго</i>	
ПРЕДИСЛОВИЕ	4
<i>Эрнесто Майони</i>	
ОЩУЩЕНИЯ	8
<i>Ренато дель Понте</i>	
ГОРЫ, «СЕРДЦЕ МИРА»	
И ИСПЫТАНИЯ ХАРАКТЕРА.....	11
<i>Доменико Рудатис</i>	
ДОЛОМИТОВЫЕ ОТКРОВЕНИЯ.....	20
<i>Доменико Рудатис</i>	
ЧУВСТВО ВЕРШИН	29
<i>Доменико Рудатис</i>	
СПОРТ ПРОТИВ КУЛЬТУРЫ	56
<i>Эрнесто Майони</i>	
ГОРЫ: ПОЧЕМУ?	64
<i>Эдоардо Лонго</i>	
ГОРНЫЕ ВРАТА.....	68
<i>Роберто Инкардона</i>	
ГОРА В ДУШЕ	94
<i>Чезаре Джакомини</i>	
ЗАМЕТКИ О ВОСТОЧНОМ	
СИМВОЛИЗМЕ ГОР	99
<i>Маурицио Россетти</i>	
ЮЛИУС ЭВОЛА И СЕН-ЛУ:	
АСКЕТИЧЕСКИЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ	
ПУТЬ АЛЬПИНИЗМА.....	127
ЮЛИУС ЭВОЛА И ГОРЫ	136
БИБЛИОГРАФИЯ.....	157

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот сборник очерков и статей рожден как вызов: вызов конформизму нашего времени и плоскому эгалитаризму, сводящему всякий порыв и всякую склонность человеческого рода к незначительному вопросу об «аппетитах». От классовых «аппетитов» до профессиональных, вплоть до самых убогих «карьерных устремлений» — нет такой деятельности человека, которую материалистическая культура *american way of life*¹ не превратила бы в унижительную игру *do ut des*². Но и в этом готовом, расфасованном мире присутствуют некоторые разломы, по которым текут импульсы, разрушающие столь упрощенный взгляд на бытие, срывающие маску с вульгарной пустоты современной культуры, пропитанной меркантилизмом. Среди этих форм «восстания против современного мира» выделяется открытие мира гор, переживаемое в эти годы с особой интенсивностью.

Альпинизм и горный туризм — это целые вселенные, не допускающие «рынка»; это тотальность, исключаящая «торговлю». Это еще более

¹ «Американского образа жизни» (англ). — *Прим. пер.*

² Буквально «Даю, чтобы ты дал» (лат.). Латинский эквивалент принципа «ты мне — я тебе». — *Прим. пер.*

верно для того непоколебимого ядра альпинистов, которые в удивительной игре восхождения сталкиваются с самими собой и своей жизнью.

Некоторые видели в альпинизме мистическое восхождение (Домаль), в то время как другие видят в нем путь освобождения, тесно связанный с древними эзотерическими традициями (Рудатис). Все это содержит значительную часть истины. В наши годы, когда любая система ценностей кажется потрясенной до основания, человек, оторванный от своей Традиции, ощущает необходимость бежать от тревог современности, погружаясь в изначальный мир гор — «восстанавливая порядок» в том слое архетипов нашей культуры, что лежит в самой ее основе.

Подняться на гору означает отстраниться от конформизма эпохи *déracinés*³: это немного похоже на побег заключенного, который затем возвращается в «лагерь». Именно это объединяет всех «завоевателей бесполезного»⁴, которые идут в горы как к откровению истины. Таким образом, альпинизм и горный туризм, возникающие из горнила волнений современного человека, являются волшебным зеркалом времени: симптомом дискомфорта, получаемого от стандартизированной жизни,

³ «Утративших связь с корнями» (фр.). — Прим. пер.

⁴ Название книги великого французского альпиниста Лионеля Террая *Les Conquerants de l'inutile*. — Прим. пер.

тоски по свободе и стремления к неоскверненным ценностям. Все это можно увидеть у людей, которым знакомо тайное очарование огня, зажигающегося среди пиков далеких гор в тот момент, когда опускаются сумерки: тогда изначальное сердце человека вновь пульсирует в тишине вершин.

Это стремление мы попытались отразить в материалах из этой антологии, собрав работы тех, кто трансформирует простой спортивный опыт в источник возрождения «Я». Именно тогда раскрывается необработанный камень человеческого сердца, позволяя обнаружить древние сокровища, до сих пор не забытые.

Как напоминает нам Домаль, гора — это ось, соединяющая Небо и Землю: если бы этот символический мост разрушился, положение человека стало бы совсем безнадежным. Но пока существуют те, кто, побуждаемые вечным беспокойством, двигаются по далеким тропинкам в поисках *ultima Thule*, огонь не погаснет, и возрождение человека еще будет возможным. По этой причине, как объяснял тибетский монах Миларепа, тот, кто идет по диким горам, идет путем освобождения.

Эдоардо Лонго

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

Тексты Б. Марилье и Д. Рудатиса, включенные в эту антологию, были напечатаны также и другими издательствами.

Под оригинальным названием «Ю. Эвола и горы» (*J. Evola et la Montagne*) текст Марилье появился в журнале «Калки» (№ 4, Pardés, Puiseaux, осень 1987 г.), в отдельном тематическом выпуске под названием «Горы. Путь героев» (*La Montagne. Chemin des Heroes*).

Что касается Рудатиса, его текст, приведенный здесь под названием «Доломитовые откровения», составлен из двух отрывков, взятых из статей под названиями *Rivelazioni dolomitiche* и *Ascesa al Pan di Zucchero* — в журнале *Rivista del C.A.I.* (из подшивки за 1927–1929 гг.), и с тех пор не переиздававшихся.

Таким же образом до сих пор не был переиздан очерк «Чувство гор», появившийся в 1933 г. на страницах «Атенео Венето» (*L'Ateneo Veneto*) и перепечатанный в том же году в *Rivista del C.A.I.*

Статья «Спорт против культуры» в первый раз появилась в «Философской диораме» (*Diorama filosofico*) — специальной странице, которую вел Ю. Эвола в ежедневной кремонской газете «Фашистский режим» (*Il regime fascista*), номер от 18 апреля 1934 г.

ОЩУЩЕНИЯ

В конце июня, распростершись под жарким солнцем на вершине одинокой Башни, я восхищенно созерцаю окружающее меня голубое небо. За несколько мгновений я прошел по проходу Маццорана⁵, протиснувшись через щель, к которой я добросовестно возвращаюсь к каждому началу сезона, при каждой встрече обновляя удовольствие от встречи с подругой — неподвижной и молчаливой, но настолько щедрой на ощущения и эмоции. На ясном небе видно лишь какое-то хлипкое облачко, и никакой шум не нарушает очарование этой волшебной и бесконечной тишины, от которой я больше никогда не хотел бы освободиться, и ум блуждает, беспорядочно освобождается, разрываясь между тысячами мыслей, воспоминаний, далеких и близких радостей, всегда присутствующих перед моими глазами в ласковом вихре чувств.

⁵ Речь идет о маршруте П. Маццорана — С. дель Торсо от 7 сентября 1938 года, который проходит по расщелине южного склона Башни Вундт (2517 м) в горной группе Кадини-ди-Мизурина. Маршрут имеет перепад высот 200 м и сложность категории III+. Статья описывает восхождение, совершенное 28.06.1987. Подъем занимает около 1–1,5 часов; спуск требует 45 минут и включает спуск на веревке длиной 25 м и скальный участок сложностью до II+, весьма неприятный и требующий осторожности в случае сырой погоды.

Рядом со мной задумчиво молчит мой товарищ: это его первый опыт восхождения, и я думаю, что он не может найти слова, чтобы выразить эту бурную смесь мыслей, впечатлений и движений души, которые спонтанно извергаются, погружаясь в сознание, ныне освобожденное от напряжения восхождения и стремящееся к желаемому отдыху.

Моя мысль неизменно возвращается ко всем случаям, когда мне довелось стоять на вершине этой столь важной для меня маленькой Башни, находящейся в Доломитовых Альпах в Кадоре. Я почти что одержим мыслью о «рандеву» уже не знаю сколько сезонов: эта встреча должна повторяться постоянно, каждый раз с разными нюансами, между одними и теми же собеседниками: я, маленький человек, и великая Мать-Гора. В расщелинах, в трещинах, на гладких плитах, на теплой дружелюбной скале этого доломитового пика я каждый раз нахожу в себе нечто, что я считал утраченным: в одно и то же время яростное и нежное, телесное и духовное, что закаляет меня, освежает меня, легко возносит меня над повседневными нуждами; заставляет меня ощутить себя единым целым с этой волшебной вселенной, чье невыразимое обаяние подчиняет себе все сильнее.

На этот раз мне тоже «пришлось» присутствовать на встрече! Что-то таинственное, непобедимое почти заставило меня снова подумать

о «моей» Башне, «моем» пути и обновить радость встречи друзей, тонкое и колдовское очарование контакта с этими розоватыми скалами, горячими от солнца и омытыми ветрами. На этих скалах, как новый Улисс, я переживаю теперь, как и тогда, непреодолимую притягательность, неотразимую обольстительность доломитовой Вселенной, могущественное и бессмертное волшебство горы.

Сегодня, здесь, над облаками, я больше не чувствую свое «я». Гора околдовала меня, охватив длинной блестящей шелковой нитью, которую сумеет разорвать только заклинание — Бог знает когда.

Эрнесто Майони

ГОРЫ, «СЕРДЦЕ МИРА» И ИСПЫТАНИЯ ХАРАКТЕРА

Я хожу в горы уже много лет. Чуть больше года назад (летом 1987-го) я отпраздновал свою серебряную свадьбу с высокогорьем, вновь поднявшись на ту самую гору Роччамелоне (3538 м, естественно, со стороны Уссельо), куда в юности ступил неуверенной походкой во время восхождения, наполненного мечтами о солнце и льде. С того далекого дня можно сказать, что я больше не покидал горы, а они — меня. Где бы я ни был, чем бы ни занимался — работал, писал, проживал тысячи повседневных переживаний, — горы всегда оставались внутри меня. Они стали опытом, вновь и вновь переживаемым бесчисленное количество раз, источником и плодом утешения, спокойствия, ясности и собранности даже в самые трудные моменты. Иными словами, горы превратились в тайный, сокровенный родник души, к которому я припадаю в случае нужды. Этот драгоценный, чистый источник прозрачной живой воды бьет из подземной жилы, кажущейся неиссякаемой. Но на самом деле, как все хрупкое и ценное, он может внезапно — не скажу помутнеть, ибо это невозможно, — но иссякнуть от смертоносного

ветра равнин, где мы вынуждены жить большую часть года. Поэтому важно всегда возвращаться в горы, дабы чистый родник души не иссох.

С тех пор каждое лето я возвращался в горы. Много лет, первоначально в одиночку, со скромным снаряжением и скудным запасом провизии я бродил по почти безлюдным просторам Западных Альп, тщательно выбирая самые малоизвестные и поэтому наименее посещаемые места. Иногда я встречал то пастуха, то серну, то грозного орла, возникающего в разрыве облаков.

В таких путешествиях спишь где придется, в полуразрушенных горных хижинах или пещерах⁶, или прямо на открытом воздухе.

Прямо перед тобой, на вертикальной оси, простирающейся от тебя самого до самых пределов космоса, вращается небесный свод. Тайные механизмы обеспечивают неторопливое движение божественных созвездий в абсолютной ночной тишине. Слышал ли ты когда-нибудь, как бьется сердце Вселенной? Проведи ночь под открытым и безоблачным небом, на высоте между тремя и четырьмя тысячами метров над уровнем моря — и ты услышишь его. Тебе покажется, что его сердце — твое собственное, а в сущности, так оно и

⁶ Важные символические отсылки можно найти в очерке «Гора и пещера» в сборнике Р. Генона «Символы сакральной науки» (см. также «Пещера и лабиринт» и «Сердце и Мировое яйцо» там же).

есть⁷. Позволь ритму вселенского дыхания вести тебя, затеряйся в лабиринте звездного неба: это станет как бы благодатным растворением в самом себе, и ты станешь великаном Орионом, который вместе с верным Сириусом будет странствовать по бескрайним просторам вашего внутреннего мира. В эту ночь ты вряд ли заснешь — ты будешь пребывать в состоянии между бодрствованием и дремотой, когда душа, как известно, максимально открыта для самых необычных встреч и видений. Неожиданный шум городов, находящихся за сотни километров, дорогие образы тех, кого мы любим или о ком лишь мечтаем, и физически осязаемый ледяной холод абсолютного одиночества.

В таких местах и в таком состоянии можно испытать физическое состояние психического ощущения в его первозданной чистоте. Холод становится тождественным одиночеству, а зияющая пустота тишины наполняется хрустальными каскадами вод, бьющих из потайных источников, которые, кажется, существуют лишь в вашем созна-

⁷ См. очерки «Сердце и пещера» и «Сердце и Мировое яйцо» в упомянутом сборнике «Символы сакральной науки» Р. Генона. Конечно, чтение и обращение к таким теоретическим исследованиям имеют важное значение только при условии уже имевшего место физического приближения к горам, пережитого как внутренняя *experientia*. Излишне говорить, что целесообразно глубокое изучение таких текстов, как «Размышления о вершинах» Ю. Эволы (*Meditazioni delle vette*, Editions del Tridente, III ediz., La Spezia, 1986) или «Гора Аналог» Рене Домалея (много переизданий в *Adelphi*), которые всегда должны присутствовать в рюкзаке того типа альпиниста, который мы имеем в виду.

нии. Но вот Солнце, предваряемое извивающимися драконами зари, появляется на подмостках, обрамленное лаконичными декорациями в виде далеких горных вершин, и его явление компенсирует, материализует в конкретном смысле то, что там, где ты находишься — на обледенелом выступе скалы, — можно определить лишь через отрицание: *пустоту*. Пустота — это ничто, которое солнечные лучи наполняют смыслом. Ранее существовали лишь ночь и небесный свод, теперь же перед тобой — огромная светящаяся полость, которая без этих льющих сверху лучей была бы ничем. И окружающие ее вершины существуют лишь потому, что позволяют тебе достичь этого света, рассеивающего пустоту внутри тебя. Именно здесь может произойти высшее отождествление: ты — гора, и ты — свет, стирающий все противоречия. Ты поднимаешься все выше, и тебе кажется, что ты освобождаешься от своей телесности. Так проходят целые дни: питаемый воздухом, снегом и великими видениями, ты, наконец, можешь спуститься в долину — с того момента, как гора начнет пульсировать в тебе самом.

* * *

Я возвращался сюда, в горы, каждое лето, но уже не один: то с небольшими группами, то с мно-

гочисленными отрядами друзей и единомышленников, в основном молодых. Мы выбирали сложные и выразительные маршруты. Я пытался сделать так, чтобы они поняли истинный смысл гор — смысл, что поможет в ежедневной битве, ожидающей всех нас на равнине⁸. Горы — великий селекционер: сколько я видел юных душ, спускавшихся с их склонов и больше не возвращавшихся, поглощенных городским водоворотом... Горы лучше всего «испытывают характер». Хочешь по-настоящему узнать человека? Проведи с ним в горах несколько дней. Дели с ним хижины, биваки, пастбища, вершины, укрытия, перевалы, обрывы и ледники. Кем бы он ни был, горы обнажат его суть. Равнина помогает маскироваться, даже перед самим собой — горы срывают все покровы. Мишура опадает, и мы остаемся нагими, как в момент рождения. Некоторые, дойдя до середины или даже до конца пути, вдруг ощущают головокружение — не физическое, а будто невидимый водоворот тянет их вниз — и под крайне разнообразными предлогами пытаются вернуться на равнину. Подобные «короткие замыкания» часто происходят из-за опьянения высотой, из-за этого постоянного груза напряжения, требующего

⁸ См. Ю. Эвола, «Размышления» («Там, где властвует демон вершин»): «Мы чувствуем, что эти короткие летние оазисы придают нам сил стойко и неуклонно держаться своих позиций — в иной борьбе и ином подвиге, там, где властвует демон метрополий».

предельной бдительности, внимательности к себе самому, чтобы *сохранить* себя и остаться собой. Но есть и такие люди (и их довольно много), кто путает физическую вершину с истинной целью, кто принимает физическое усилие — покорение горы — за реализацию внутреннего состояния. Все эти физические вещи, конечно, ценны и иногда даже необходимы для достижения реальной цели, но, по сути, они являются лишь подготовкой к тому духовному состоянию, что должно постепенно рождаться в нас посредством восхождения. Если «аскеза» (*ascesi*) невозможна без «физического восхождения» (*ascesa*), то последнее должно быть усвоено сначала как психологическая установка, а затем как практика, подлинная техника «духовного восхождения», где взаимодействуют физические ресурсы и внутренние добродетели. Этому нельзя научить ни письменно, ни устно — нужно усвоить это спонтанно в контакте с горами как подлинное призвание, где, естественно, ключевую роль играет пример наставника. Но именно в нас самих должно пробудиться космическое сердце, которое должно биться в унисон с нашим земным сердцем — тогда шаг альпиниста преобразуется в еще одну ступень к вершине внутренней реализации.

Однако сначала нужно с большим смирением подходить ко всему этому — к другим, к самому

себе, к горам. Это правда, что слово *humilis*⁹ означает «низкий»: но хотите ли вы завоевать высокое, начав «сверху»? Неслучайно домом богов часто считались вершины гор, теоретически легко достижимые... Но неужели ты, несчастное создание, родившееся и выросшее среди туманных равнин, думаешь, что ты уже с самого начала находишься на одном уровне с горами? Желает ли ты «покорить» их, сразу же полагаясь на свои физические силы без надлежащей практики духовного «смирения»? Это было бы равносильно их «осквернению». Оставь высокомерие и взойди на гору безмятежно, без гнева; сохрани силу, которой, по твоему мнению, ты обладаешь, для своих товарищей, сражающихся с трудностями; утешай их, останавливайся с ними даже на тех привалах, которые не являются строго необходимыми: не сомневайся, что любое время, потерянное при физическом восхождении, будет компенсировано позже. Восхождение — это очевидная метафора жизни: метафора, уместяющая всю жизнь в несколько дней или даже часов — а иногда и в несколько минут¹⁰.

Сосредоточенность, серьезность, выдержка, скромность, смирение, дух самопожертвования и

⁹ Смирение (лат.). — *Прим. пер.*

¹⁰ См. случаи пограничных переживаний при неожиданном падении в пропасть, уже описанные в М. Hulin, *Sulla caduta in montagna* («Risguardo», IV, Edizioni di Ar, Padova, 1985, pp. 335–345). См. также

даже самоотречения, когда это необходимо: именно эти качества — помимо физической и технической подготовки — создают настоящего альпиниста. И тогда даже усталость забудется, еда и питье станут мелочью, а час и время потеряют смысл.

Опыт. Дует ледяной ветер, падают первые снежинки, густой туман окутывает бескрайний и изрезанный трещинами ледник. Все следы исчезают, и кажется, будто ты потерялся. Твои спутники встревожены и, словно обезумевший компас, пытаются наугад найти выход, блуждая в отчаянии и с трудом, как слепые без поводыря. Те силы, то телесное тепло, на которое они так рассчитывали, растрачиваются в считанные мгновения. Остановись на миг, прикрой глаза, сосредоточь свои мысли на сердце мира, том самом сердце, которое бьется в унисон с твоим — ты чувствовал это. Конечно, в этих обстоятельствах при попытке выбраться из лабиринта снега и льда тебе весьма пригодится твой прошлый опыт, но укажет тебе путь именно та особая, сокровенная сила, что таится в твоём сердце. Соберись, свяжи веревкой рассеявшихся товарищей, проложи для них тропу из троп, одним рывком преодолей синеватую пустоту расщелин, уверенно возвращайся вниз. И вот, сам того не заметив, ты окажешься уже у хижинки,

R. Incardona, *Esperienze interiori in alta montagna* («Arthos», XIV, 29 (1985), pp. 208–210).

где тебя ждет человеческое тепло, доброе и успокаивающее. Снаружи воеет ветер — от ярости или в утешение? На этот раз гора не захотела оставить вас у себя. Но что будет завтра?

Все основывается на непостижимой воле Великого Жонглера, и мы примем эту судьбу со спокойствием тех, кому в любом случае суждено оплатить давний игровой долг. Раз гору никогда не победить — *ее и нельзя победить*. В лучшем случае она может милостиво принять тебя в свои объятия — с той же благосклонностью, с какой, говорят, великий Один принимал лучших воинов в золотые чертоги Вальхаллы.

Тяжко на сердце
в груди с той поры,
как в юности Один
мне посодействовал.

(Сага о Хальве и воинах Хальва, 15.4)¹¹

Тот, кто хорошо это понял, уже прошел половину пути к вершине.

Ренато дель Понте

¹¹ Перевод Т. Ермолаева. — *Прим. пер.*

ДОЛОМИТОВЫЕ ОТКРОВЕНИЯ¹²

Когда солнце уходит за могучую и величавую Мармоладу, готовясь опуститься на свое ложе из бесконечных горизонтов, и сумерки наполняют долину странным светом, резко выделяющим чистые тона пейзажа, но при этом неспособным проникнуть в густую темную чашу елей, — все вокруг

¹² Это сочинение играет важную роль в развитии того, что можно было бы назвать, по выражению Эволы, *метафизикой альпинизма*. Оно представляет собой первое опубликованное эссе на тему философии альпинизма, относительно того, что было определено как *метафизический альпинизм*. Доменико Рудатис не нуждается в представлении. «Доломитовые откровения» стали «визитной карточкой» этого выдающегося писателя-альпиниста. В нем автор предложил свое оригинальное прочтение альпинизма: не просто развлечения или спортивного упражнения, а поприща для достижения глубинного освобождения человеческого духа. Культура, лежащая в основе такой интерпретации, берет начало в двух крайне далеких друг от друга и, казалось бы, несовместимых источниках: с одной стороны, оригинальной ницшеанской философии, с другой — учения Дао. Синтез этих двух культурных миров (Запада, последовательно дошедшего до выводов нигилизма, и Востока в его наиболее полном выражении) получил множество одобрительных откликов и критики в культурном мире, и не только итальянском. Это было доказательством того, что для понимания смысла современного альпинизма нужно принимать в расчет и философию Рудатиса. Развитие его мысли действительно исходит из кризиса современной культуры: «горизонтальной», историцистской, материалистической. В то же время это знак обновленного внимания и актуальности другой культуры: «вертикальной», укорененной в двойном измерении жизни, понимаемой как приключение, риск, вызов судьбе, с одной стороны, и осознание теургического, сакрального элемента существования — с другой. И сегодня эти страницы продолжают вызывать глубокий резонанс в беспокойной человеческой душе, приближая Рудатиса к самым внимательным исследователям современности и эпохи современного нигилизма. — *Прим. ред.*

окутывает сладкая меланхолия, полная нежности и красоты, а необычные сочетания света и цвета создают новые созвучия среди вечной неизменности форм. Под терзающим натиском времени природа собирает и объединяет все свои выразительные силы в нерушимом обещании возвращения.

Пронзенные последними лучами солнца, бледные доломиты словно пульсируют жизнью, багровеют и переливаются чудесным образом, и все стены, башни, пики начинают сиять, будто облаченные в золотые одеяния, полные невыразимого великолепия, в то время как по краям и в расщелинах легкие тени отражают прекрасные оттенки фиолетового и лазурного. Закат на Чиветте благодаря ее ориентации и гладкости стен сияет более интенсивно, чем на других доломитовых вершинах, — он не столь розовый и нежный, не похожий на закаты над Катиначчо, легендарным Розовым садом (*Rosengarten*) короля Лаурина, который скрыл там принцессу Симильду и, желая сделать сад невидимым днем и ночью, обратил его в камень, но забыл о сумерках, когда день уже закончился, а ночь еще не наступила, — и в эти мгновения розовый сад вновь является, пылая ярким светом¹³. Напротив, скалы Чиветты напоминают не сказочный розовый сад, а грозные зачарованные замки, где с вершин башен и зубчатых стен таин-

¹³ См. несколько красивых легенд о Доломитах в работе: Carlo Felice Wolff, *I monti pallidi*, ed. Mondadori, Milano 1925.

ственные могучие стражи льют потоки расплавленного золота по бесконечным стенам, покрывая их раскаленной броней.

В глубине долины белеет дорога, убегающая вдоль берега озера. Белые деревенские домики странно смотрятся на фоне все более темнеющего леса, среди окружающих лугов, чья зелень сменила теплые яркие тона на более мягкие и глубокие; и они так чисты, будто недавно вновь обрели белоснежные одеяния, в которые превращается камень, очищенный жертвенным огнем. Воды Дзунайи, приняв в себя ручьи Ру-де-Порта, Руд'Антерсасс и множество других мелких потоков, которыми изрыты подножия Чиветты, — прозрачные, спокойные и оскудевшие, поскольку летнее солнце уже растопило снега и высушило маленькие горные родники, — стекают в озеро через широкую галечную отмель, которая теперь бросается в глаза, предстывая голым полем ослепительно белых мраморных обломков, раздробленных и разровненных циклопом-разрушителем. Озеро восхитительным образом отражает все небесные и скальные чудеса, демонстрируя ослепительные оттенки, глубокие темные тона, серебряные, золотые и огненные блики, изменчивые переливы и мерцающие вспышки света, которые рождает ветер, вызывая рябь на поверхности этих волшебных вод, будто желая усилить буйство света и цветов. Мы как будто попали в сказку: кажется, будто радуга,

разбитая силой магических чар, растворилась в озере, чьи воды, храня ее вечно, позволяют сквозь кристальную завесу разглядеть бесчисленные потрясающие оттенки.

Затем сумеречный свет в долине бледнеет, краски постепенно сливаются, очертания расплываются, затуманиваясь, и рельеф теряет четкость.

В рассеянной прозрачности высочайших небес скалы, раскаленные царственным закатным пожаром солнца, которое в исступлении прощания, словно опустошая небесные сокровищницы, рассыпает свои лучи в неисчерпаемом изобилии пурпура, золота и сверкающих самоцветов, вспыхивают всеми огнями и пылают с несравненным великолепием.

Но в этот момент возвышенного прощания с умирающим светилом время не останавливается, вечное становление не прекращается. Тихие полутени медленно поднимаются по крутым основаниям башен и пиков, откуда солнечный пожар постепенно отступает, оставляя их словно покрытыми пеплом древнего серебра. Сгущаются холодные наступающие тени, и повсюду, куда распространяется их чернеющая грусть, величественные сооружения этого необъятного акрополя, окутанные странным бледным сиянием, кажутся растворяющимися в завесе из индиго, опала и серого. Северные башни теперь выглядят как неясные пепельно-серые руины, дымящиеся после эпических битв, и

только вершина горы, охваченная последним ослепительным взрывом самоцветов, еще несколько мгновений горит ярчайшим пламенем в слабом свете почти угасших сумерек, пока, наконец, все не исчезает, и природа засыпает в бесконечном покое наступающей темноты.

Два года назад, в один из особенно ясных осенних вечеров, с площади в Аллеге¹⁴ я вновь зачарованно и безмолвно наблюдал разворачивание этой божественной солнечной драмы, и, подчиняясь могуществу ее очарования, мне казалось, что я почти постиг ее мистический смысл как внутреннее откровение, освещающее и открывающее мне тайный путь сакрального посвящения.

* * *

Столь же уникальна и несравненна удивительно соразмерная симметрия, формирующая и стилизующая все это сооружение¹⁵: как если бы

¹⁴ Городок в Доломитовых Альпах, расположенный на берегу озера Аллеге. — *Прим. пер.*

¹⁵ Это сооружение в данном случае состоит из северо-западной стены горы Чиветта, как ее видно с озера Аллеге. Это сравнение неудивительно. Действительно, могучая структура, увенчанная пиками горы Чиветта, уже древним римлянам, когда они пришли в Валь-Кордеволе из Ливиналлонго, представлялась тысячелетним воплощением «космического города» — настолько, что они назвали эту дерзкую гору именем *Civitas* («город»), от которого затем произошло современное искаженное название «Чиветта». Мифическая и символическая ценность этой горы подтверждается самим Рудатисом в его «Освобождении», где он так объясняет очарование горы Чиветта: «Это поистине

всемогущее искусство некоего Божества направляло тектонические катаклизмы незапамятных времен, созидающие и ломающие формы, равно как и беспощадное медленное размывание, и разрушительное воздействие ураганов. Это симметрия, согласно которой северные башни и пики настолько точно соответствуют южным, что стена удивительным образом напоминает орган с невообразимо огромными трубами. Гора, отражая свои бесчисленные состояния в разной восприимчивости душ, с легкостью пробуждает в них множество образов: Рёскин часто сравнивал горы с соборами, но немногие из них удовлетворяют этому сравнению с таким формальным совершенством и глубоким символизмом, как Чиветта, которая в строгой и торжественной гармонии своей архитектуры, величественно устремленной к небу, призывая соединение земного мира с божественным, на самом деле выражает свою суть с немым сверхчеловеческим красноречием, как в самом священном из святилищ, единственную высшую и сокровенную Истину: Имманентный Дух во всем, что по-

идеальная модель великого города в представлении древнейших цивилизаций». Мифотворческая мощь Чиветты (чья центральная стена возвышается на высоту 1100 м, а по ее бокам простирается величественный парад башен, пиков и шпилей, симметрично, на протяжении более 6 км) была столь же хорошо подмечена век назад космологом, натуралистом и альпинистом Антонио Стоппани, который определил ее так: «Видели ли вы гору более прекрасную и более ужасную? Это Чивита, окруженный башнями и зубцами город. Зубцы — это скалы, а башни — горы». — *Прим. ред.*

буждало и народы воздвигать свои памятники, башни и храмы.

* * *

«Чрезмерная ценность редкого порождает преступную жажду», — предупреждал Лао-Цзы, посвященный в Дао, еще за семь веков до Рождества Христова. Этот принцип применим ко всем вещам, но в спортивном скалолазании, доведенном до крайних пределов, он вдвойне справедлив.

В горах нужно вновь обрести неукротимую и первозданную сущность природы и жизни.

Нужно уметь извлекать из восхождения гораздо больше, чем спортивный «рекорд». Нужно стремиться совершать его только как усилие, как внутреннее преодоление собственных пределов, как опосредование чистого акта могущества, чтобы превзойти его, очистить действие от жажды, от эмоции, от страсти и возродить его как произвол, как свободу, как игру. Тогда техника и материальный прогресс признаются просто инструментами и больше не навязываются как ценности.

Поэтому стремления, чувства и мысли, формирующие поток социальной жизни, не сопровождали нас от начала подъема до передышки на закате на покоренной вершине и до последней остановки среди камней после преодоления пропасти и тьмы.

Восхождение должно быть началом — началом свободного движения в этом потоке; нужно оторваться от полотна судьбы, в центре которого происходит гипнотизирующая пляска событий на ногах случая.

Любой благородный или низменный мотив все равно является подчинением. Причинность — это та цепь, которую в горах учатся ослаблять, а затем и разрывать.

Мир скал пробуждает ностальгические отголоски абсолютной свободы. «Как прекрасны, как чисты эти свободные силы, еще не запятнанные духом!» — писал в молодости Ницше, вернувшись из гор во время бури; однако под духом он подразумевал человеческие чувства и страсти.

Если в «Панчатантре» туманно сказано, что жизнь — это путешествие в ночи, то потому, что днем уже нет пробуждения, потому что только в живой ночи можно проснуться и освободиться; в противном случае человек не живет, а спит летаргическим, смертельным сном.

Что значит восхождение само по себе? Возможно, немного. Важна та сила, которую мы умеем пробуждать в себе, играя с опасностью, когда воля требуется в полной мере. Но без свободы игра потеряла бы всякий смысл.

Безмерна радость скалолазания и космическое наслаждение горами, солнцем, стихиями, по-

тому что только в этой интимности отношений ощущается дыхание высот, расширение чувств, свобода. Но чем больше человек замыкается в себе и движется как автомат из-за того или иного объекта, тем больше он становится рабом своих же объектов и инструментов.

Если глубинные голоса природы, очищенное и бесстрастное действие и раскаленная игра опасности интенсивно сходятся вместе, разбивая ограниченный смысл жизни, они переступают пороги души вместе с тонкими ощущениями, вибрирующими в страннейших ритмах сверхчеловеческой музыки; и, словно выходя из «вечного возвращения» Ницше, словно распознавая центр бесконечного колеса становления, словно разворачивая первые складки покрывала Майи, сознание испытывает иллюзию и тщету вещей, признает абсолютное отсутствие целей, причин, надежд, этики, касается своего сущностного одиночества, — и действие, и существование, и пребывание в высшем произволе чистого могущества скрывается и появляется на его горизонте как надвигающийся ураган в черной и непроницаемой ночи: и то, что вспыхивает перед образом своей маски — это Я, это Всё!

Доменико Рудатис